

К ВОПРОСУ О НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИЧЬИХ БУЛЛАХ
РУБЕЖА XI—XII вв.

В истории Новгородской республики рубеж XI—XII вв. представляет чрезвычайно важный этап в становлении начальных форм республиканской государственности, возникновении новых институтов этой власти и самым тесным образом связан со временем княжения в Новгороде Мстислава Великого.

Мстислав Владимирович занимал новгородский стол дважды. Периоды его княжения с наибольшей достоверностью установлены В. Л. Яниным: первое его пребывание в Новгороде надают на конец 1088—начало 1094 г., второе длилось с начала 1096 г. до 17 марта 1117 г.¹

В ранний период княжения, когда в 1088 г. двенадцатилетний князь занял новгородский стол, он едва ли был способен играть самостоятельную роль в практическом управлении. Именно в это время организация власти в Новгороде разделяется на функции, осуществляемые самим Мстиславом, и функции контроля над его деятельностью, которые выполнялись другими лицами.

Это обстоятельство способствовало возникновению с конца 80-х гг. XI в. института посадничества нового типа, сфрагистические памятники которого представлены буллами протопроедра Евстафия. Эти памятники известны уже в 24 экз., 22 из которых новгородского происхождения.

В. Л. Янин относит бытование булл Евстафия к первому новгородскому княжению Мстислава, считая их владельцами первых представителей новгородского посадничества нового типа, отдавая предпочтение Завиду, чьим именем открывается перечень восьми посадников списка «А». Значит, Евстафий—Завид и был тем лицом, которое контролировало деятельность Мстислава, являясь представителем института политической власти—посадничества нового типа.²

Почти за шестилетний период первого княжения Мстислава и посадничества при нем Завида в материалах сфрагистики зарегистрированы 24 печати Евстафия—Завида, что позволяет говорить о достаточно высокой активности этого посадника в ранний период княжения Мстислава.

В этой связи обращает на себя внимание статья А. В. Кузы,³ в которой имеют место логические построения, но нет убедитель-

¹ Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962, с. 50—51; 2) Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I, с. 65.

² Янин В. Л. 1) Новгородские посадники, с. 60—62; 2) Актовые печати..., с. 66—67.

³ Куза А. В. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI века). — СА, 1977, № 3, с. 121—129.

ных доказательств. Автор издал две печати, происходящие из некрополя древнерусского города Желни и несущие на одной из сторон в ободке греческую пятистрочную надпись: «Господи помози рабу своему Евстафию». Лицевая сторона занята погрудным изображением архангела Михаила. Исследователь считает, что эти буллы бытовали во времена переяславского княжения Ростислава — Михаила Всеволодовича, сына великого князя Всеволода Ярославича, брата Владимира Мономаха, т. е. в тот период, когда в восьмилетнем возрасте Ростислав занимает переяславский стол (род. в 1070 г., княжил в 1078—1093 гг.). Это наблюдение позволило А. В. Кузе заключить, что именно Ростислав и был тем князем, от лица которого в его малолетство неизвестный Евстафий прикладывал печати, обнаруженные в Желни.

Основные положения, выдвинутые автором статьи, таковы:

1. Поскольку Ростислав, так же как и Мстислав, вокняжается в малолетнем возрасте, то и рядом с Ростиславом находится опытный советник, доверенное лицо его отца, киевского князя Всеволода.

2. Евстафий при князе Ростиславе — Михаиле и протопроедр Евстафий в Новгороде — одно лицо.

3. Евстафий является приближенным боярином Всеволода Ярославича. Сначала он был кормильцем его младшего сына, а затем его старшего внука.

4. Последний из Ярославичей не мог отдать важнейшие в политическом и стратегическом отношениях столы племянникам и воспользовался услугами своих верных соратников — Ратибора в Тмутаракани и Евстафия, превратив их в полномочных наперстников сначала малолетнего Ростислава, а затем и Мстислава.⁴

Мы признаем существование какого-то Евстафия в Переяславле, бывшего регентом при малолетнем Ростиславе, но, думается, что нет оснований отождествлять его с протопроедром Евстафием, отрицая этим новгородское происхождение Евстафия — Завида и возникновение института посадничества нового типа 80-х гг. XI в. в Новгороде.

Материалы новгородской сфрагистики позволяют оспаривать основные выводы, выдвинутые А. В. Кузой.

Представляется странным, что исследователь в своих логических построениях не обратил внимания на соотношение новгородских княжеских печатей и булл из Переяславля.

Евстафий при Ростиславе мог находиться не более 10 лет, т. е. до 1088 г., когда в Новгороде вокняжается двенадцатилетний Мстислав. Следовательно, Евстафий за 10 лет своего регентства в Переяславле оставил две буллы, тогда как за шесть лет своей деятельности в Новгороде (допуская, что это — одно и то же лицо. — Б. Е.) он оставил 24 печати. Буллы же самого князя Ростислава пока неизвестны вообще, но зато мы знаем 10 печа-

⁴ Там же, с. 124—129.

тей Мстислава, которые бытовали, вероятнее всего, с 1093 г. до оставления им новгородского стола в 1117 г.

Такое сравнение позволяет отметить, что переяславский стол находился в прямой зависимости от великого киевского князя, а сам князь в Переяславле был полностью подвластен великому князю. Малочисленность печатей регента Евстафия указывает не на его активную и самостоятельную деятельность, а на исполнение им функций по воле великого князя и признания над собой его власти. В свою очередь материалы новгородской сфрагистики отражают новый процесс образования начальных форм государственности, характерный для дальнейшего развития своеобразия республиканских порядков.

Далее следует обратить внимание на то, что в некоторых случаях княжеские печати, имеющие одинаковые изображения патрональных святых, могли принадлежать разным князьям. Например, буллы с изображением св. Василия и архангела Михаила отнесены В. Л. Япниным к Рюрику Ростиславичу, но такую атрибуцию сам исследователь оговаривает: «Вполне возможно, что не все буллы с изображением св. Василия и архангела Михаила принадлежали Рюрику. Обращает на себя внимание то, что у Рюрика Ростиславича был, например, сын Ростислав, названный в крещении Михаилом, который сидел даже нередко на киевском столе. Буллы этого князя неизбежно должны повторять набор тех сюжетов, что и печати его отца. Мы только условно относим всю группу рассматриваемых булл Рюрику Ростиславичу, допуская, что будущие находки позволят предпринять необходимые уточнения».⁵

В качестве еще одного примера нужно привести трудности атрибуции булл двум князьям — Ростиславу Мстиславичу Смоленскому и его сыну Мстиславу Ростиславичу Храброму, так как на их печатях неизбежно повторяется одно и то же сочетание изображений.

Ростислава Мстиславича в крещении звали Михаилом Федоровичем, а его сына Мстислава — Федором Михайловичем. По поводу этих печатей В. Л. Янин писал: «Обилие вариантов булл с изображением св. Федора и архангела Михаила вполне отвечает выводу о принадлежности таких печатей не одному, а двум князьям».⁶

Изложенное дает основание полагать, что и буллы Евстафия принадлежали разным лицам. Один из них находился в Переяславле и был тесно связан с великим киевским князем, второй являлся представителем новгородского боярства и осуществлял контроль за деятельностью повгородского князя, выражая волю местного боярства, защищая его интересы в борьбе за городские вольности.

⁵ Янин В. Л. Актовые печати. . . , с. 117.

⁶ Там же.

Таким образом, нам представляется возможным не согласиться с основными положениями, выдвинутыми в статье А. В. Кузы.

Второй — более чем двадцатилетний — период княжения Мстислава в Новгороде, когда он в 1096 г. снова занимает новгородский стол и княжит с известными по списку «А» посадниками (Петрятой, Костянтином, Миронегом, Савой, Улебом и Микулой⁷), не оставил в сфрагистике памятников, отражающих политическую деятельность этих посадников. Однако, нужно думать, что более чем двадцатилетний период политической деятельности представителей боярства, которые выполняли свои функции в моменты острой и напряженной политической борьбы с великим князем за новгородские вольности, в моменты складывания и развития республиканских порядков, не мог остаться незамеченным в материалах посадничьей сфрагистики этого времени.

Такое наблюдение заставило нас обратиться к одной компактной группе пломб, происходящих из новгородских находок, которые несут на лицевой стороне изображения различных патрональных святых, тезоименитых их владельцам, оборотные стороны заняты изображением княжеского знака в виде двузубца с перечеркнутым отрогом вверху и перекладиной, соединяющей во внутренней части зубцы. Эта группа насчитывает уже 40 экз.⁸

Ранее, рассматривая эти памятники, мы отнесли их посадникам времени Мстислава Владимировича, полагая, что они изменялись ими в смешном суде князя и посадника, а княжеский знак на их оборотной стороне служил геральдической эмблемой Мстислава Великого.⁹

В 1893 г., проведя исследования Борковского острова, который прилегает к северной части Рязани, археолог и видный нумизмат А. И. Черепнин опубликовал подъемный археологический материал, найденный на самом острове и на Сакор-горе, расположенной к северо-западу от сосновой рощи около села Борки.¹⁰ В числе археологических находок издано пять свинцовых пломб, три из них найдены на Сакор-горе и, судя по описанию А. И. Черепнина, могут быть идентифицированы с некоторыми типами свинцовых пломб, известных по массовым находкам у г. Дрогичина на р. Западный Буг. Две пломбы, которые происходят из находок на городище Старая Рязань, приобретены у крестьянина Ермолаева.¹¹ Обе они в статье А. И. Черепнина получили описание, но на рисунке воспроизведена только одна,

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 471—472; *Янин В. Л.* 1) Актовые печати..., с. 66; 2) Новгородские посадники, с. 54.

⁸ Хранятся: ИГМ — 20 экз.; ГИМ — 8 экз.; ГЭ — 12 экз.

⁹ *Ершевский Б. Д.* Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.). — СА, 1978, № 2, с. 240—248.

¹⁰ *Черепнин А. И.* Борковский остров и его древности. — Археологические известия и заметки. М., 1894, вып. 6—7, с. 177—193.

¹¹ Там же, с. 183—184.

которая обратила на себя внимание. Приведем здесь необходимую цитату: «... бюст князя в короне, на обороте ее вытеснена буква Σ ; верхняя, несколько удлиненная часть буквы крестообразно пересечена поперечною чертою».¹²

Если с определенным (дополнив и уточнив его) лицевой стороны можно согласиться, то определение изображения на обороте как буквы неверно.

Пломба из Старой Рязани несет на себе на лицевой стороне поясное изображение святого с бородой и в короне — св. Константина; обратная сторона занята упомянутым выше княжеским знаком.

Подобная пломба, имеющая полные аналогии с паходкой из Старой Рязани, была обнаружена на Неревском раскопе Новгорода в слоях 20-го яруса, датируемого (по дапнам дендрохронологии) 1116—1134 гг.¹³

Учитывая общность геральдической эмблемы для всей группы этих памятников, полагаем, что они бытовали в определенный хронологический период. Правомерно предположить, что эти пломбы выполняли свои функции несколько раньше, чем были за ненадобностью брошены в землю, а значит, время их существования приходится на период новгородского княжения Мстислава — Федора Владимировича.

Далее необходимо отметить, что пломбы рассматриваемой группы найдены только в Новгороде. Они отсутствуют в многотысячном собрании пломб из Дрогичина, неизвестны они в киевских находках, а княжеский знак на малой печати из Старой Рязани не находит аналогий с тамгами на пломбах, которые поместил в своей работе Н. П. Лихачев.¹⁴ Эти наблюдения указывают на новгородское происхождение маленькой рязанской буллы, а ее находка в Старой Рязани не случайна и, по-видимому, отражает новгородско-рязанские отношения — события второй половины 90-х гг. XI в.

Краткое упоминание о столкновении новгородцев с рязанцами имеется под 1097 г. в Новгородской первой летописи: «Въ тоже лето, зиме, победи Мстислав ... новгородци Олга па Кулацке ... кое говепие».¹⁵ Об этих же событиях под 1096 г. рассказывает Повесть временных лет,¹⁶ но наиболее полный рас-

¹² Там же, с. 183—184, третье изображение сверху. Пломба упомянута Н. П. Лихачевым: «Отметим, что совершенно такая пломба найдена на городище Старая Рязань, близ г. Спасска, бывшей Рязанской губернии» (Текст к сфрагистическому альбому. — Архив ЛО ИА СССР, ф. 35, оп. 2, № 444, с. 107).

¹³ Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — МИА, 1956, № 55, с. 138—163, табл. V, № 41 (хранится: ГИМ, № 99453/П—101); Колчин Б. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа. — МИА, 1963, № 123, с. 166—228, ярус 20, см. с. 171.

¹⁴ Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1928, вып. II, с. 64—71, рис. 49.

¹⁵ НПЛ, с. 19, 202.

¹⁶ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, с. 230—232; Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. I, с. 168—170.

сказ под 1096 г. помещен в Никоновской летописи, которая сообщает о том, что черниговский князь Олег Святославич в результате похода на Чернигов Святополка и Владимира спасается бегством и укрывается в Стародубе, отказываясь выступить в союзе с этими князьями против «поганых».¹⁷

Дальнейшие события разворачиваются следующим образом: «Олегъ пришедъ къ Смоленску и поимъ воя поиде къ Мурому».¹⁸ В Муроме княжил Изяслав, сын Владимира Мономаха и брат Мстислава Владимировича. «...бысть же вестъ Изяславу, яко Олегъ къ Мурому идетъ, посла Изяславъ по воя к Суздалью, и къ Ростову, и по Белозерци, и собра воя многи. И посла послы своя Олегъ къ Изяславу, глаголя сице: „...иди въ волость отца моего...“, и не послуша Изяславъ словесъ сихъ, падеаяся на множество вои, Изяславъ же исполчився предъ градомъ на поле».¹⁹ «Олегъ же поиде къ нему плъком, и ступишася обои, и бысть брань люта; и убища Изяслава месяца сентября въ 6 день; проче же вси побегоша. Олегъ вниде во градъ и прѣаша и гражане».²⁰

Затем Олег захватывает всю землю муромскую и ростовскую, «и посажае посадники своя по городомъ, и дани почя имати».²¹ Такой агрессивной политики Олега воспротивился Мстислав Владимирович. «И посла къ нему Мстиславъ посла своего изъ Новгорода», предложив Олегу покинуть Муром и Суздаль.²² Олег не принял предложения новгородского князя, что и привело в конечном итоге к битве новгородцев с Олегом. Об этом сражении летописец сообщает: «Мстиславъ же пришедъ жарь с новгородцы и съступишася на Калаче и бысть брань крепка и начя одолевати Мстиславъ; и виде Олегъ яко поиде стягъ Володимиръ, начя заходити въ тыль его и убоявся побегнувъ Олегъ, и одоле Мстиславъ. Олегъ же прибеже к Мурому и затвори Ярослава в Муроме, а самъ иде къ Рязани; Мстиславъ же приде къ Мурому и сотвори миръ, и поя свои люди Ростовцы и Суздальцы, и поиде къ Рязани за Олгомъ. Олегъ же выбеже изъ Рязани, а Мстиславъ пришедъ сотвори миръ с Рязанцы, и поя свои люди яже бе заточилъ Олегъ... Мстиславъ же возъвратися въпятъ к Суздалью и оттуду поиде къ Новгороду во градъ свои...»

Сие же бысть изходяшу того лету 6604».²³

Таким образом, летописный рассказ указывает не на случайную находку пломбы-печати новгородского происхождения в Старой Рязани, которую мы относим к посаднику Костянтину, названному в списке «А» вслед за Завидом и Петрятой. Если такая атрибуция справедлива, то можно говорить не только о возвра-

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1862, т. XI, с. 125.

¹⁸ Там же, с. 127.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 128.

²² Там же.

²³ Там же, с. 129.

стающей роли новгородского посадничества во внутривнутриполитической жизни на рубеже XI—XII вв., но и о заметном его участии в вопросах внешней политики. В этой связи отметим, что сфрагистические памятники этой группы в 20 случаях несут на себе изображения св. Константина, что составляет половину известного собрания. Отсюда правомерным будет заключить, что посадничество Константина было достаточно продолжительным, а его политическая деятельность чрезвычайно активной.

Связав события 1096 г. с посадничеством Константина, мы установили, что второе новгородское княжение Мстислава (1096—1117 гг.) происходит, когда посадничество занимают Константин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, тогда как с 1088 по 1094 г. он княжил при посадниках Завиде и Петряте.

Итак, 1096 год в истории новгородского посадничества является периодом, когда посадничество, приняв на себя функции контрольного органа за деятельностью князя, прочно занимает не только в смешанном суде место князя и посадника, но и достаточно активно представляет интересы боярства в вопросах внешнеполитической жизни складывающейся Новгородской республики. Именно в это время оформляется новый тип посадничьей буллы — малая вислая печать.